

**★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ**

**ПРОЕКТ
АРТЕМА
ДРАБКИНА**

★ ВОЙНА ★
Я ПОМНЮ

СМЕРШ и НКВД

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С50

С50   **СМЕРШ и НКВД.** — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 288 с. — (Война. Я помню).

ISBN 978-5-9955-1009-3

Пожалуй, ни о ком не сложилось столько легенд, как о сотрудниках СМЕРШа и НКВД. В одних они выглядят настоящими героями «невидимого фронта», в других — карателями, стрелявшими в спину красноармейцам и погубившими десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии. Кем же они были: кровавыми палачами или обычными солдатами и офицерами, которым выпадало выполнять тяжелейшие боевые задачи?

Новая книга проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>) — это правдивый и порою бесхитростный рассказ сотрудников СМЕРШа и НКВД об их действиях на линии и за линией фронта, участии в сверхсложных спецоперациях, жизни на грани смерти.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-1009-3

© ООО «Яуза-пресс», 2018

ДУШАНСКИЙ **Нахман Ноахович**

Родился в 1919 году в литовском городе Шяуляй. Мой дед Яков Душанский — Коган, николаевский солдат из кантонистов, участник Крымской войны и обороны Севастополя, получил согласно указу русского императора право жить вне черты оседлости и право на земельный надел. Но Яков Душанский не захотел жить в новых местах, вернулся домой, поселился в Вильнюсе, вырастил тринадцать сыновей, большинству из которых он смог дать образование. Один из его сыновей, мой отец Ноах Душанский, будучи солдатом на фронтах Первой мировой войны, был отравлен в бою газами, попал в немецкий плен и вернулся домой фактически слепым человеком. После отселения еврейского

Душанский
Нахман Ноахович

населения из Вильнюса, из прифронтной полосы в 1915 году, наша семья оказалась в Шяуляе, где отец работал грузчиком-носильщиком на вокзале, на тачке развозил грузы и посылки с железнодорожной станции по адресам, и мы, дети, помогали плохо видящему отцу прочесть адрес получателя и часто сопровождали его, когда отец перевозил грузы. Моя мама, Фрейдл, была из очень бедной семьи и вместе с отцом растила нас, пятерых детей. В пять лет меня отдали учиться в частный «хедер», а после я учился в школе, организованной на деньги местного филантропа Френкеля, владельца шяуляйского кожевенного завода. Закончил шесть классов и в 13 лет пошел работать. Жили мы в пролетарском районе, населенном евреями, поляками и русскими староверами, поселившимися в Литве еще с петровских времен. Рабочее окружение оказывало огромное влияние на мое мировоззрение. В 14 лет я познакомился с подпольщиком Гринфельдом (впоследствии убитым на фронте).

Он привлек меня к подпольной коммунистической работе, и я вступил в подпольный комсомол Литвы, желая принять участие в борьбе за лучшую долю для бедного трудового люда. В здании Еврейского Шяуляйского центрального банка, под сейфом, в узкой нише, через которую мог проползти только щуплый подросток, был устроен тайник, в котором хранилась подпольная литература. Эта литература распространялась через надежных людей в окрестных городках и местечках, и я был ответственным за ее хранение и распространение.

Тайная полиция литовского буржуазного правительства вела активную борьбу с коммунистическим подпольем?

Безусловно. Тем более что антиправительственное подполье не было по своей структуре однородным. В нелегальной коммунистической партии Литвы, руководимой Снечкусом и Ангаретисом (расстрелянным в 1937 году в СССР по указанию Сталина), преобладали литовцы. А евреи в основном состояли в рабочей организации «Бунд», хотя мне кажется, что не было каких-либо существенных разногласий в тактике ведения подпольной борьбы и в конечных целях, которые ставили перед собой эти две партийные организации.

У нас в Шяуляе тайной полицией руководил бывший царский жандармский офицер Верховерцев, принявший после бегства из России фамилию Аукштакалис. Этот человек обладал большим опытом борьбы с «инакомыслящими элементами», и в 1935 году он внедрил своего агента в нашу местную организацию. Меня и еще двух комсомольцев схватили, избивали резиновыми дубинками, но я не выдал месторасположение тайника с коммунистической литературой, и вскоре, поскольку полиция так и не нашла никаких весомых улик, нас выпустили из тюрьмы. Но в 1936 году, после инспирированного немецкими специальными службами восстания крестьян в Сувалках против буржуазного литовского правительства президента Сметоны, местные власти решили принять крутые меры к подпольщикам всех мастей и направлений.

Из пяти руководителей восстания в Сувалках четверо были приговорены к расстрелу.

Наша комсомольская организация отпечатала листовки «Воззвание к народу Литвы», в котором мы осуждали этот жестокий приговор, но уже через несколько дней полиция арестовала всех активных участников комсомольского подполья в Шяуляе. Схватили девять человек: пятерых литовцев и четверых евреев. Семерых сразу отдали под трибунал, а меня и моего товарища Левинаса отправили в колонию для несовершеннолетних уголовников в Калнабержай, где мы должны были сидеть до наступления возраста 17 лет, и только после этого, по закону, нас могли отдать под суд Окружного военного суда. И когда мы перешли этот возрастной рубеж, нас привезли на суд в Шяуляй. Здесь мы узнали, что наши товарищи уже осуждены и руководитель шяуляйских подпольщиков Нехама Шпайте приговорена к 15 годам заключения, а другие старшие товарищи получили сроки от 10 до 14 лет тюрьмы. Нас судил трибунал, в котором председательствовал полковник Леонас. Учитывая наш возраст, «малолетки», приговорили каждого только к шести годам тюремного заключения. Сначала мы сидели в шяуляйской тюрьме, а потом нас перевели в новую политическую тюрьму в Расеняй.

Какими методами велось следствие?

Били на допросах руками, били и нагайками. Но нас специально не калечили.

Хотя в тот год был один случай, как следователь литовской тайной полиции забил до смерти на допросе беременную женщину. Времена еще были достаточно «либеральными», если так можно выразиться. К стенке всех подпольщиков не ставили.

Кстати, о «либеральных» временах. Это вымысел, что в тридцатые годы в Литве открыто продавались советские газеты «Правда» и «Известия» на русском языке?

У литовского буржуазного правительства был договор о дружбе с СССР, и поэтому некоторые советские газеты продавались в определенных местах, какое-то количество экземпляров распространялось в Литве, нам даже несколько раз товарищи в тюрьму передавали «русские газеты». Кстати, литовское правительство неоднократно проводило с Советской Россией обмен политзаключенными. Так был обмен на одного ксендза, «литовца-контрреволюционера», один из руководителей литовской компартии Снечкус, но он потом все равно нелегально вернулся в Литву для продолжения подпольной коммунистической работы. Литва в какой-то степени больше тяготела к Советской России, находясь «между молотом и наковальней» — с запада немцы, захватившие Мемельский край (Клайпеда), да еще поляки, аннексировавшие Вильнюсский край. Приходилось выбирать, с кем дружить.

Например, в 1939 году, еще за год до ввода Красной армии в Литву, согласно первому договору о ненападении, подписанному странами Прибалтики и СССР, для размещения частей Красной армии предоставлялись три военные базы на территории Литвы: авиационная база в Шяуляе, военная база в Алитусе, на которой разместились кавалеристы, и еще одна — в районе Побраде, это уже ближе к Вильнюсу. Так что сами делайте выводы.

Что представляла собой политическая тюрьма в Расеня?

Новая тюрьма, выстроенная по итальянскому проекту, так сказать — «Привет от Муссолини». Трехэтажное каменное здание, внутри «колодец» с лестницей по центру, от которого отходили лестничные пролеты на этажи. За зданием тюрьмы — еще ограда, караульные вышки и различные пристройки. Первый этаж предоставлялся для размещения администрации и охраны, а также для заключенных, занятых в обслуживании. Второй этаж — по 10 одиночек на каждой стороне, предназначенных для контингента «средней степени опасности». Третий этаж — «для особо опасных политзаключенных». Карцер находился в подвале здания, как заведено. Всего в тюрьме было 60 одиночных камер, и я оказался в первом этапе, прибывшем в новую тюрьму в Расеня. Но постоянно «шло очередное пополнение», и скоро в каждой «одиночке» поставили второй ярус нар и поместили по 4 человека в камеру. Так и получилось — 60 камер — 240 заключенных.

Тюрьма для политзаключенных в Расеня считалась самой жестокой?

Нет, это было относительно «спокойное место». Самых опасных бунтарей — коммунистов — направляли сидеть в Каунас, в крепость «Девятый форт», там условия были каторжные, и политические заключенные сидели в камерах вместе с уголовниками-рецидивистами. Да и целенаправленная, преднамеренная жестокость надзирателей была там обыденным явлением. Из нашей тюрьмы переводили в Каунас в каче-

стве наказания, с целью сломить дух коммунистического сопротивления. Существовала еще отдельно женская тюрьма для коммунисток в Зарасае, этот город находится ближе к латвийской границе.

Как кормили заключенных?

Голода не было. Утром давали 500 граммов черного хлеба, кусочек сала и молоко. В обед: суп из капусты с картошкой, иногда с куском сала. Вечером мы снова получали пайку хлеба, картошку и кислое молоко. В тюрьме разрешалось получать посылки от родных. И нам через подставные адреса присылали посылки из МОПРа (Международное общество помощи революционерам). Из этих продуктов мы делали запасы, которые хранили в тайниках, для товарищей, сидящих в карцере, и так далее.

Политзаключенные имели свой комитет самоуправления?

Официально — нет, но, конечно, у нас был свой подпольный комитет. И тюремное начальство прекрасно знало, что имеет дело с монолитно сплоченной группой коммунистов и комсомольцев, и попусту старалось не обострять ситуацию. Нами негласно руководили опытные коммунисты, что интересно — все бывшие офицеры Литовской армии — литовцы Мацкявичус и Годляускас и еврей Любецкис, инженер по профессии. Их камеры находились на третьем этаже. Поскольку я был самым молодым и «шустрым» и имел самый малый срок заключения в тюрьме, знал несколько языков, то меня комитет назначил «переговорщиком» с администрацией тюрьмы. На деле это выглядело так: вызывает начальник тюрьмы

и заявляет: «Если вы будете шуметь и праздновать в камерах 1 мая (или, скажем, 7 ноября), то всех лишим посылок и прогулок на два-три или на шесть месяцев». Он знал, что я найду возможность сообщить старшим товарищам об «очередном ультиматуме». Но не было такого, чтобы меня схватили надзиратели и били смертным боем, мол, выдавай, кто у вас здесь главный?!

Как осуществлялась связь между заключенными в тюрьме? Имелась ли связь с волей?

Почему вас так интересуют детали тюремной жизни? Вы вроде только историей войны занимаетесь.

Но и жизнь политзаключенных — это тоже пласт истории 20-го века. Я думаю, многим интересно будет узнать, как жили заключенные коммунисты в литовских тюрьмах «для политиков». Ведь почти все будущее руководство Советской Литвы прошло через эту «школу жизни». Как сидели заключенные в советских тюрьмах в конце тридцатых годов, многие знают. А что творилось в странах «буржуазной демократии» в этом аспекте? Хотелось бы сравнить.

Ну, если вы считаете эту информацию нужной, тогда продолжим. На этажах была общая уборная, поскольку в самих камерах никакого «санузла» не предусматривалось. В уборных были сделаны специальные тайники, в которых прятались записки, и эти, выражаясь на современном «тюремном жаргоне», «малявы» передавались нужному адреса-

ту. Мы всегда знали, что происходит на этажах, но не всегда могли предвидеть или узнать точное время повального обыска в тюрьме. Обычно привозили тюремщиков из других мест, и вместе с нашими надзирателями они переворачивали камеры вверх дном в поисках тайников, холодного оружия, прочих запрещенных предметов и так далее. Мне много раз приходилось проглатывать записки, чтобы их не нашли при обыске. А по поводу «связи с волей» у нас был свой человек среди надзирателей, по фамилии, кажется, Климас, который нам сочувствовал, и через него мы держали канал связи с подпольным комитетом компартии Литвы.

Каковы были условия содержания в карцере?

Каменный мешок, который никогда не отапливался, пол залит водой по щиколотку. Закрывали в карцер на трое суток, на хлеб и воду. Лечь было невозможно, и приходилось стоять на ногах три дня, без сна, опираясь на холодную стену. Мне это «сомнительное удовольствие» пришлось испытать. Но был молодой, здоровый, выдерживал эту экзекуцию относительно спокойно, по крайней мере карцера не боялся.

Заклученных выводили с территории тюрьмы?

Были прогулки в тюремном дворе по 30 минут в день, но это в «хорошие периоды», когда мы не были с администрацией тюрьмы «на ножах». Еще иногда летом выводили заключенных на окрестные поля и болота для добычи торфа, которым в тюрьме топили печи зимой, и на заготовку картошки, кото-

рую мы копали под охраной. Но за пределы тюрьмы выводили только заключенных со сроком не выше 10 лет.

Администрация тюрьмы пыталась внедрить своих провокаторов в среду политзаключенных?

Вряд ли, таких бы сразу разоблачили, а потом... в худшем варианте — «несчастный случай». Тюремщики прекрасно понимали, что нас не перевоспитать и ничем нашу веру в правоту партийного дела не поколебать. Провокаторов не было, но были так называемые «отступники», люди, отошедшие от партии и от революционной борьбы и желавшие после освобождения из тюрьмы вести спокойную жизнь мелкого обывателя. Таких было среди нас очень мало, помню только человека по фамилии Соболевичус. Другие заключенные к ним относились спокойно, никто их не упрекал в предательстве и не третировал. «Стукачи» были, немцы-националисты из Клайпеды.

Националистов тоже сажали в «тюрьму для политических преступников»?

В 1938 году тюрьма получила такой «подарок». К нам посадили группу клайпедских национал-социалистов, немецких агентов, все из германской разведки, пойманных при попытке организации фашистского переворота в районах, сопредельных с Мемелем. Помню их фамилии — Шмидт, Засс, Энгельс и еще несколько человек. Их поместили в отдельные «немецкие камеры». Они периодически воровали продукты из наших тайников, за это мы их

нещадно и с удовольствием били, до крови. Немцы потом огрызались: «Вы слышите, какие песни наши пограничники поют? Скоро вас всех вырежем!» А рядом граница по Неману, и слышно, как немцы поют: «Еврейская кровь течет из-под ножа»... Я еще до войны прочел на немецком языке книгу Гитлера «Майн кампф», так что не сомневался в том, что немцы обязательно поголовно уничтожат всех евреев.

Был произвол и издевательства со стороны надзирателей?

Отдельные эксцессы были, но надо сказать честно, что в нашей тюрьме измывательство над заключенными и их правами не было возведено в ранг нормы. Ненависти между нами не было. Они делали свою работу, охраняли «противников существующего строя», так что мы должны были ждать от них? пряников? Все было относительно терпимо. Лучше к политзаключенным относились надзиратели-поляки, чем тюремщики-литовцы. А начальником тюрьмы был бывший ксендз, в свое время сидевший «за политику» в России, и обменный, кстати, на коммунистического руководителя Снечка. Имел прозвище Горбатый, у него был горб. С нами он вел перманентную борьбу в меру своих прав и возможностей. В 1939 году, после договора о ненападении и дружбе между странами Прибалтики и СССР, режим в тюрьме стал более мягким, например, к заключенным стали пропускать газеты. Прекратили препятствовать свиданиям с родными, которые по закону разрешались раз в месяц. Я даже в тюрьме смог закончить заочно восемь